

и восходит к насмешкам над Иисусом, который говорил, что девица спит, а не умерла. После того, как Иисус Христос прикоснулся к ней, она встала.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1) не все евангелизмы современного русского и английского языков существуют одновременно в обоих языках; 2) на примере Евангелий от Марка и Луки отмечено большее количество ФЕ в русском языке по сравнению с английским; 3) самое большое количество фразеологических единиц оказалось в группе фразеологизмов современного русского и английского языков, имеющих греческие аналоги.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: Ист.-этимол. слов. / Под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005.
3. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В. Н. Телия. М., 2009.
4. Гак В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 3–19.
5. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М., 2010.
6. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
7. Пеарсэлл С. Л. Фразеология английского языка. М., 1959.
8. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
9. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: В 2 т. / Под ред. А. Н. Тихонова. М., 2004.
10. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, 2013.
11. Cambridge Idiom Dictionary. Cambridge, 2007.
12. Collins English Dictionary & Thesaurus. Glasgow, 2016.
13. Hirsch E. D., Kett J. F., Trefil J. S. The New Dictionary of Cultural Literacy. Boston; New York, 2002.
14. Oxford Dictionary of Idioms / Ed. by J. Ayto. Oxford; New York, 2010.
15. Cambridge Dictionary of American idioms / Ed. by P. Heacock. Cambridge, 2003.
16. Spears R. A. McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. New York, 2005.

НОВЫЕ «РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В. (И. КАБЫШ, С. ГАНДЛЕВСКИЙ)

О. О. Поимцева

Культурема «русские мальчики», идущая от Ф. М. Достоевского и вбирающая в себя важнейшую примету национального самосознания, рецептивно транспонируется в русскую литературу рубежа XX–XXI вв.

«Понять до конца Достоевского – значит понять что-то очень существенное в строе русской души...» [1, с. 12], – пишет Н. А. Бердяев. Философская база умозрительных диалогов «Братьев Карамазовых» гносеологически широка и протекает в русле религиозного и атеистического упорядочения реальности: «Есть ли бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату» [7, с. 213]. По Ф. М. Достоевскому, трансцендентальный идеализм (христианская доктрина небесного бессмертия) и вытекающий из него нигилизм (недооценка феномена земной жизни) есть две крайности одной и той же метафизической дилеммы русских мальчиков: экзистенциальной «заброшенности» человека в бытие. Развиваясь в стерильности от иных интертекстуальных отсылок к православному классику либо взаимодействуя с его гуманистическими максимами «мировая гармония» и «клеякие листочки», данная культурема пробуждает интерпретационный отклик в четырех поэтических работах И. А. Кабыш (русские мальчики есть собирательный образ подростков) и С. М. Гандлевского (русским мальчиком становится сам Ф. М. Достоевский).

Стихотворение И. Кабыш «Мы с моим четырнадцатилетним сыном пришли на Троицу в храм» (сб. «Мама мыла раму», 2013) связывает номинацию национального философствования с подрастающим поколением (в лице собственного ребенка автора). Говоря о сыне, заметившем увядание когда-то сочных, клейких березовых листьев у церковных стен и отказавшемся «заплатить листком березы за рай» [8, с. 88], то есть примириться с несовершенством земного миропорядка, лирическая героиня произведения роняет вскользь: «...Ох уж эти мне русские мальчики...» [8, с. 88]. Поэтесса любовно оправдывает ропот несформировавшегося юношеского сознания, принимая подростковый надлом за начальный этап естественного взросления, призванного привнести в цельный, неподвижный, идеализированный детский мир противоречивость и динамику полярности, усложняющую восприятие разбитых надвое ценностей, в том числе – категорию жертвенности, нередко граничащую с гибелью жертвующего.

Подобная аккредитация отроческого «внутреннего роста» закрепляется за концептом русских мальчиков в «Письме двенадцатом» из эпистолярного цикла «Письма ученику» (сб. «Невеста без места», 2008). Обращаясь к единственному ребенку, «Сереже П.» [9, с. 160], эпиграфом выделенному из общей массы школьников, рассказчица признается: «Я переделать мир хочу – / и от бессилия кричу. / Я Достоевского читаю, / я русских мальчиков учу» [9, с. 175]. Причем, по замечанию достоевиста И. Л. Волгина, «учит „русских мальчиков“ в прямом и переносном

смысле – как школьный учитель и как поэт» [2, с. 11]. Вводя детей XXI ст. в мир христианского автора из XIX в., И. Кабыш возвещает новому поколению имя классика, постулируя значимость созданного Ф. М. Достоевским, и подспудно констатирует в зрелом творческом сознании «обломовскую» неспособность к практическому, прикладному преобразованию действительности. Лирическая героиня стихотворения «переделать мир» [9, с. 175] хочет, но бессильна; русские мальчишки поэтессы проходят период взросления (шире: погружаются в метафизический вакуум рефлексии), оглядываясь на литературный опыт писателей, к коим принадлежит и И. Кабыш. И в этом – значимость их слова.

Автобиографические реминисценции в связке с расширением кода «мальчиков» Ф. М. Достоевского присутствуют в поэме «Дочки-матери» поэтессы (сб. «Невеста без места», 2008). А именно: наряду с описанием игр детства, лирическая героиня ставится И. Кабыш в один ряд с героями Н. В. Гоголя Башмачкиным («...Любая идея – ловушка: / ты думаешь, она в тебе, / а оказывается, ты в ней, / как Акакий Акакиевич в своей шинели» [9, с. 423]) и Чичиковым («У Павла Ивановича Чичикова, помнится, тоже была „идея“, / ...не только ради денег скупал он мертвые души...» [9, с. 426]), а также персонажем Ф. М. Достоевского Аркадием Долгоруким. У действующего лица И. Кабыш руководящей «„идеей“ стал голод, / то есть мечта стать не Ротшильдом, но Плисецкой» [9, с. 423]. Вместе с тем и герой романиста «целый первый месяц ел только один хлеб с водой» [6, с. 67], а по переезде в Петербург положил «иногда по два дня сряду есть один хлеб с солью» [6, с. 69]. Однако у Долгорукова намеренные «подвиги схимничества» [6, с. 67] второстепенны и направлены на испытание воли перед следованием избранной им тактике начального накопления капитала, тогда как лирическая героиня писательницы находит в стимуле потери веса не блекнущую и перед угрозой бесплодия апокалиптическую установку отрицания себя в Невоплощенном Другом, оказываясь «вполне русской девочкой» [9, с. 424]. Итак, монополия мужского эгоцентризма разбивается И. Кабыш выведением из теневого забвения женской стихии: оппозиция «русский мальчик и русская девочка» [9, с. 427] обретает жизнь.

В отличие от предыдущего варианта рецепции, стихотворная композиция «Tombe la neige» (журн. «Знамя», 2014), созданная С. Гандлевским на каркасе одноименной песни А. Сальваторе (в переводе с французского – «Падает снег»), поддевает «несбалансированную» манеру изложения «вековых вопросов» [7, с. 212] Ф. М. Достоевского, изобилующую эпизодами «подноготной» рефлексии: «Много позы, много вздора, много пыла...» [4] и сценами сладострастных судорог героев: «...Плюс, конечно, пекло в чреслах, в чреслах

пекло» [4]. «Он (Ф. М. Достоевский. – *О. П.*) может реализоваться как писатель только в атмосфере истерики, – уверяет поэт, – и поэтому он ее заводит на пустом месте...» [5] Подобное высказывание С. Гандлевского не лишено субъективности, выбивающейся из русла критической оценки литературного наследия классика XIX в. Думается, толчком для таких суждений могла послужить зрелая приверженность поэта творческой манере художника-антипода Ф. М. Достоевскому: «Толстой мне казался пресным, а сейчас... я его подряд готов читать. И мне нравится абсолютно все, даже если я беру позднего Толстого» [5].

Концентрированная ненасытность героев Ф. М. Достоевского в обсуждении метафизических основ мироздания нагнетается С. Гандлевским благодаря введению в строфику «*Tombe la neige*» фигуры изголодавшегося автора «великого пятикнижия». Аритмичная «наслаиваемость» сюжетных линий романиста в одну болезненную – идейную – точку подчеркивается фабульным акцентом, когда сам классик из стихотворной версификации нетерпеливо «включается, жуя, в ..здеж о смерти» [4]. В современном языке «мне нравится... матерщина моей молодости... – заявляет С. Гандлевский, беседуя с А. Гостевой. – <...> Я люблю... откровенные словосочетания» [5]. Не менее откровенно звучит дискурс поэта о русских мальчиках как национальном типе героя созерцательного, явственным воплощением которого выступает симулякр Ф. М. Достоевского. В частности, употребление сниженной лексики низводит философию писателя до «голового» идеализма, наивного, тщетного, не пригодного для действенного переустройства отдельной личности и общества.

Калькирует поэт и подмеченную Н. А. Бердяевым экзальтированность героев романиста, оторванных от материальной почвы в попытке разрешения загадки бытия: «У Достоевского нет ничего, кроме человека, нет природы, нет мира вещей... <...> ...Есть город... и вонючие меблированные комнаты. Но город есть лишь атмосфера человека...» [1, с. 26–27] У С. Гандлевского таким фоном, пронизывающим предрассветные толки случайных жильцов с Ф. М. Достоевским, становится «нежный запах рвоты с перепоею» [4], доносящийся из ванной (напоминаем: православный писатель в это время у поэта ест и «проповедует!»). «...На колу мочало начинай сначала...» [4] – подтрунивает рассказчик «*Tombe la neige*» над «вечной» пищей для размышлений новых русских мальчиков XXI в.: «филистеров от мала до велика» [4]. Как видим, сторонники мировоззренческих взглядов классика именуются в версификации пренебрежительно: это серая непримечательная толпа, застрявшая в будничной рутине бытового «дна», не способная на противостояние среде. Соотнося пророческий пафос Достоевского с информационным продук-

том массового – обывательского – потребления, С. Гандлевский продолжает деканонизацию романиста как признанного антрополога русской души. По мнению современного интерпретатора, «психологизм Достоевского резонирует с молодой страстью к самокопанию» [3], то есть применим исключительно «для юношества» [3], но – юношества «униженного и оскорбленного», «забитого», «уезженного» ограниченностью мышления и затхлостью тесных комнат.

Таким образом, поэзия И. А. Кабыш и С. М. Гандлевского конца XX – начала XXI вв. подвергает художественной рецепции главу «Братья знакомятся» (III) пятой книги части второй романа «Братья Карамазовы». Во-первых, реактуализируется традиционное хрестоматийное наполнение собирательной категории «русские мальчики» Ф. М. Достоевского: «рассуждать, пока поймали минутку» [7, с. 213], во-вторых, маскулинная тотальность сигнификата «русские мальчики» дополняется парной гендерной объективацией «русские девочки» (И. А. Кабыш).

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 2: Мирозерцание Достоевского и др. М., 1994.
2. Волгин И. Невеста без места: личные трудности Инны Кабыш // Мама мыла раму. М., 2013. С. 5–13.
3. Гандлевский С. Бездумное былое // Знамя. 2012. № 4. Интернет-адрес: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/4/ga9.html>.
4. Гандлевский С. «Tombe la neige» // Знамя. 2014. № 1. Интернет-адрес: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/1/6g.html>.
5. Гостева А. Сергей Гандлевский: Конспект // Вопросы литературы. 2000. № 5. Интернет-адрес: <http://magazines.russ.ru/voplit/2000/5/gand.html>.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л., 1972–1990. Т. 13: Подросток. 1975.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л., 1972–1990. Т. 14: Братья Карамазовы. Книги I–X. 1976.
8. Кабыш И. А. Мама мыла раму. М., 2013.
9. Кабыш И. А. Невеста без места. М., 2008.

ПРИЕМЫ ДЕФОРМАЦИИ ИСХОДНОГО ЗВУКОВОГО СОСТАВА СЛОВА ПРИ НЕПРОИЗВОЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАЛЬНОЙ ПАРАФАЗИИ И ОГОВОРКИ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ)

Д. А. Понятовская

В настоящее время речевые нарушения (или «отрицательный языковой материал», как назвал их Л. В. Щерба [3]) считаются неотъемлемым компонентом речевой деятельности и активно изучаются такими наука-